

МАСКУЛИННОСТЬ КАК АТТРИБУТ ПОЛИТИКА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

М. Г. Соколовская

Магистр психологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, БрГУ имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь, lllogos@list.ru

В статье исследуются представления о маскулинности как атрибуте политики в Древней Греции. Указывается на доминировании двух основных образов маскулинности: воин-герой и воин-политик. Подчеркивается важность ведения в политику в эту эпоху некоторых феминных факторов, связанных с необходимостью построения в полисе гармоничных отношений между мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: маскулинность, феминность, гендерное неравенство, политика государства, Древняя Греция, социальные вызовы.

MASCULINITY AS ATTRIBUTE OF POLICY IN ANCIENT GREECE AND MODERN SOCIAL CHALLENGES

M. G. Sokolovskaya

Master of Psychology, Senior Lecturer, Department of Political Science and Sociology, BrGU named after A.S. Pushkin, Brest, Belarus, lllogos@list.ru

The article examines ideas about masculinity as an attribute of politics in Ancient Greece. Two main images of masculinity are pointed out: warrior-hero and warrior-politician. It is stressed the importance of introduction in politics in this era of some feminine factors associated with the need of building harmonious relations in the polis between men and women.

Keywords: masculinity, femininity, gender inequality, state policy, Ancient Greece, social challenges.

Учитывая актуальность гендерной проблематики в современном обществе, считаем целесообразным изучить древнегреческий взгляд на маскулинные аспекты политики и ее соотношение с феминным фактором. В эпоху постмодерна в политике идея дихотомизма маскулинных и феминных черт (по принципу «или – или») уступила место идее континуума маскулинно-феминных качеств, что неизбежно трансформировало господствующие образцы маскулинности. В этой ситуации и мужчины-политики, и женщины-политики стремятся перешагнуть через границу политических ролей, которые им предписаны традицией и культурой.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в Древней Греции, явившей миру военно-гражданскую модель маскулинности, т.е. политик должен был совмещать качества военного (стратега) и правителя. В некоторых древнегреческих полисах, например, в Спарте, политическое управление сочеталось с исполнением жреческих функций.

С точки зрения французского антрополога А. Боннар, сквозь всю античную философскую мысль и литературу проходит мысль, восходящая к Гесиоду, согласно которой «Зевс, чтобы наказать людей за то, что они приняли от Прометея похищенный у него огонь, велел богам и богиням создать из сырой глины, болезненного желания, коварства и бесстыдства привлекательное чудовище, женщину – западню и пропасть бездонную с крутыми стенами» [1, с. 177]. Древние греки считали справедливым и правильным общественное устройство, при котором мужчина властвует, а женщина находится в его подчинении, поскольку первый, в их представлении, по своим качествам (и природе) превосходит вторую.

Известны высказывания Пифагора, что существует положительный принцип, который создал порядок, свет, мужчину, и отрицательный принцип, который создал хаос, сумерки и женщину. В рамках древнегреческого «порядка» одни должны руководить, а другие – безоговорочно подчиняться: благородные должны править неблагородными, старшие – младшими, мужчины – женщинами и т. д. Гамма человеческих отношений, с точки зрения Аристотеля, пронизана властвованием и подчинением, и в этом проявляется социальная необходимость и безусловная полезность для людей и социума. При этом высшая власть принадлежит Уму в космической сфере, а мужчине – в общественной и семейной. Как отмечал выдающийся философ, общим законом природы (и общества) является то, что «душа властвует над телом как господин и разум властвует над нашими стремлениями как государственный муж... Также и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [2, с. 383]. В социально-политической концепции Платона доминирующие властные позиции также должны занимать правители-философы по причине обладания ими божественным даром – мудростью, недоступной женщинам. Кроме этого, поскольку ключевой добродетелью политического деятеля является рассудительность, т. е. способность контролировать свои чувства, аффекты и страсти, то политика – удел мужчин, так как женщины по своей природе являются эмоциональными существами.

Древнегреческие политические лидеры пронизаны и такой античной добродетелью как агональный дух, т. е. стремлением к личностному и политическому превосходству, производному от «культуры стыда» что

делает политическую арену полем острого и перманентного соперничества [3, с. 283–284]. Польский исследователь М. Оссовская констатирует, что у гомеровского героя на первое место выходят забота о чести, стремление к славе и отличию, которое достигает своего апогея в Спарте, воплощаясь в образе Героя [4, с. 42].

«По праву гордый» Аристотеля в трудную минуту проявляет мужество и готов принести в жертву свою жизнь. Мужчина-политик в идеале должен соответствовать определенным физическим стандартам: быть высоким, сильным, ловким и широкоплечим, обладать развитой мускулатурой, иметь «большое тело» (Аристотель) что детерминировано необходимостью вести постоянные войны с другими государствами.

Для Древней Греции во всех сферах жизни, включая политику, принципиально важен эстетический компонент. Известный философ А. Лосев подчеркивал, что, описывая прекрасное, «Аристотель имеет в виду два совершенно различных понимания красоты: с одной стороны, красоту внешних форм, чувственную, чисто материальную, темную и неосмысленную *привлекательность* вещи, например, ноги или голоса; с другой же стороны, разумную, гармоничную, созвучную миру и космосу красоту логической правильности, завершенности, высшей устроенности... которая прекрасна уже потому, что она симметрична, упорядочена, органична и величественна», что должна соответствовать политической деятельности [5, с. 244–245]. Прекрасное включает в себя и моральный фактор, политик обязан реализовывать идеи общего блага, меры и справедливости: «Прекрасным может быть, по Аристотелю, только то, что высоко в моральном отношении... что доставляет бескорыстное и созерцательное удовольствие, будучи морально высоким» [5, с. 143]. Следовательно, «начальствующий должен обладать нравственной добродетелью во всей полноте... а каждый из остальных должен обладать ею настолько, насколько это соответствует его доле участия в решении общих проблем» [2, с. 400].

Символические образы древнегреческих политических деятелей часто привязаны к образам животных. Со всей наглядностью это проявляется в «Физиогномике» Аристотеля, где сравниваются мужские и женские типы, в которых мужские достоинства олицетворяет лев, а женские – барс. Философ подчеркивает, что «самцы более храбры и прямы по природе», а их мужественный типаж – лев – включает в себе целый ансамбль прекрасных качеств: он и благороден, и щедр, и великодушен, и честлюбив, и милостив, и прям (справедлив), и «привязан к тем, с кем он живет» [Цит. по: 5, с. 337–339].

М. Оссовская указывает на то, что Древняя Греция дала два разных образца «воина-господина» (идеи Гомера) и «воина-политика» (идеаль-

ный образ политика в Спарте), которым была в равной степени свойственна свобода от хозяйственных и бытовых нужд и высокая оценка мужества и агонального духа. «Однако, у Гомера преобладает индивидуализм, а в Спарте – стадность; у Гомера высока роль разума, в Спарте же – пренебрежение к индивидуальным достоинствам; у Гомера – чувствительность к прекрасному в различных его проявлениях, а в Спарте – невысокая эстетическая культура» [4, с. 72–73].

Однако уже в древнегреческой политике у политиков можно обнаружить и некоторые феминные компоненты. В своем большинстве древнегреческие мыслители рассматривали социальный организм как производное от естественного соединения мужского и женского начал, что, в свою очередь, предполагало достижение между ними известной гармонии. В противном случае наступает неизбежная и нежелательная общественная деструкция.

Значимость феминного фактора выступала и в том, что в политическое влияние женщин могло обуславливаться их эротической притягательностью: Арес в мифологии, как отмечает Аристотель, недаром сочетается с Афродитой. У лакедемонян в значительной степени должностные лица управлялись женщинами, что произвело в государстве в «большое смятение». В силу того, что муж – персона, властвующая и руководящая, облеченная во семье «полномочиями царя», на него возлагается и миссия выстраивания отношений с женщинами как в семейных, так и общественных делах. Политические достоинства «начальника» проявляют себя в отношениях к любому другому, к женщине, во взаимоотношениях в государстве.

В древнегреческом обществе допускалось позитивное политическое лидерство женщин – непосредственное и опосредованное. Одной стороны, в «Государстве» Платона женщины допускаются на локальные руководящие должности в соответствии с их способностями, а также обучаются совместно с мужчинами. С другой – известны случаи, когда любимая женщина политика выступала источником его политического вдохновения (пример Перикла). Тренд расширения политического участия женщин в полисе интересен современным исследователям.

Концепция маскулинности в политике, разработанная древнегреческими философами, позволяет обнаружить связь между императивами конкретной исторической и социокультурной ситуации и доминирующими образами политических лидеров в их гендерном измерении, носящую универсальный характер и пригодную для изучения концепта маскулинности в современных трансформационных процессах.

Библиографический список

1. *Боннар А.* Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона. М.: Искусство, 1990. Т. 1. 269 с.
2. *Аристотель.* Политика // Сочинения : в 4 т. / общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
3. *Рожанский И. Д.* Античный человек // О человеческом в человеке / общ. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат. 1991. С. 282-297.
4. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
5. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.